

Российская история на переломе: причины, характер, следствия.

Стало уже аксиомой то, что современный период истории России является для нее переломным. Начиная с середины 1980-х годов совершается переход российской истории в новое качество. Вслед за радикальными и даже революционными изменениями в идеологии, общественном сознании, политической и государственной организации начались глубинные изменения в отношениях собственности и социальной структуре. Крушение коммунистического режима и КПСС, распад Советского Союза, образование на его развалинах новых независимых государств, в том числе и самой России, становление идеологического и политического плюрализма, зарождение гражданского общества, новых классов (среди них и капиталистического) — вот только некоторые из нововведений современной российской истории, начало которой можно датировать мартом-апрелем 1985 года.

По мере того как все более отдаляется от нас, становится достоянием истории 1985-й год и институционализируются порожденные им процессы и тенденции, усиливаются и споры о причинах, смысле и последствиях происходящих перемен. Их осмысление носит пока по преимуществу идеологический характер, научные интерпретации пробиваются робко и мало влияют на оценки, выставляемые современному историческому процессу ведущими политическими силами российского общества. В данной статье я стремился не только развить аналитический исторический подход к современным процессам в России, но и, опираясь на него, вступить в полемику с наиболее частыми и популярными идеологизированными оценками современной российской истории, исходящими от правых и левых радикалов, коммунистов и антикоммунистов, власть предержащих и оппозиции.

Различие оценок современных исторических перемен в России начинается с разного объяснения их причин. При этом сторонники перемен, как правило, признают их объективную обусловленность, а противники доказывают искусственный их характер, объясняя крушение СССР и КПСС вмешательством внешних, а то и потусторонних сил. Мысль о «международном заговоре» как первопричине коренного поворота отечественной истории стала высказываться его противниками еще до крушения СССР и КПСС, а лидер Российской компартии Г. Зюганов дал ее развернутую формулировку в 1990-ом году в выступлении на седьмом съезде писателей РСФСР: «Сегодня стало очевидным, что в политический процесс нашего государства все больше вмешиваются силы извне, для которых совершенно безразлично, кто будет управлять — коммунисты или демократы, консерваторы или либералы. Они ведут крупную игру, ставка в которой — великая держава, Союз Советских Социалистических Республик.

Согрин В. В.— доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Общественные науки и современность».

Ничего нового в этой политике нет; еще 20 лет назад, начиная идеологическую деятельность, я изучал крупнейшие труды западных теоретиков. Уже тогда они предельно и цинично ставили задачу представить СССР как последнюю и самую хищную империю на Земле, изображая нашу страну таким же злодеем, как и фашисты, раскрутить гонку вооружений и подорвать социальные программы, дегероизировать советское население, возродить национально-религиозный экстремизм и, опираясь на это, взорвать наше отечество изнутри»¹.

Концепция иностранного «заговора» как первопричины крушения СССР и КПСС была воспринята национал-патриотическими организациями, Российской коммунистической партией, рядом других политических групп. Венцом ее стала идея, что коварные замыслы мирового сионизма или империализма реализовались через посредство отечественных «агентов влияния», к каковым причисляются М. Горбачев, А. Яковлев, Б. Ельцин. А кое-кто готов даже представить их как посланников в прямом смысле нечистой силы, как это сделал писатель Б. Олейник, не пожалевший времени, вдохновения и бумаги, чтобы изобразить Горбачева агентом сатаны.

Историки хорошо знают, что подобные идеи отнюдь не новы, они появлялись, появляются и будут появляться во всех странах в крутые переходные эпохи и всегда принадлежат тем классам, группам и лицам, которые терпят экономический крах, утрачивают политическое господство, испытывают другие катастрофические потрясения, но которые не способны, не готовы, просто не согласны на признание естественно-исторических причин радикальных общественных перемен и катастроф и приписывают их иностранному влиянию или злой воле отдельных могущественных лиц. Идеи «заговора» не чураются и политические неудачники, отнюдь не обделенные интеллектом: сошлось в данном случае на Горбачева, который, будучи сам зачислен в «заговорщики» против СССР и КПСС, тем не менее, лишившись в конце 1991 года президентского поста, счел возможным объяснять развал Советского Союза и свое политическое фиаско в первую очередь «сговором» Б. Ельцина, Л. Кравчука и С. Шушкевича в Беловежской пуще.

Вышесказанное не означает, что иностранные влияния или заговоры не могут иметь отношения к коренным трансформациям в том или ином обществе. Но, во-первых, наличие их должно быть доказано, а, во-вторых, как свидетельствует мировой опыт, даже если таковые имеют место, все же они сами по себе не способны изменить характер общества. Приведу для иллюстрации один очень яркий, на мой взгляд, пример. Когда в конце XIX—начале XX века в странах Запада, в первую очередь США, свершался бурный процесс монополизации производства и экономики в целом, его мелкобуржуазные критики объясняли разорение и вымывание мелкого бизнеса заговорами и преступными деяниями создателей трестов. И таковые, как показывают документы, действительно имели место. Но все же в основе смены свободного капитализма монополистическим лежали естественные экономические процессы концентрации и централизации капитала, на что справедливо указывали тогда марксисты, среди них и В. Ленин. По странной иронии судьбы в современной России люди, объявляющие себя их духовными наследниками, усвоили не что иное как логику мелкобуржуазных оппонентов марксизма рубежа XIX—XX веков.

Справедливость требует признать, что идея «заговора» характеризует сегодня мировоззрение не только коммунистов и национал-патриотов, но и многих из тех кто называет себя демократами. Но они объявляют следствием заговора и иностранного влияния уже коренной общественной поворот, не приемлемый для них — Октябрьскую революцию 1917 года. Эта явная заидеологизированность исторического мышления двух главных политических течений в России характерна конечно же, и для массового общественного сознания.

¹«Литературная Россия», 1990, №51.

Вернемся, однако, к вопросу о том, имело ли место «иностранный влияние» в коренной перемене исторической судьбы современной России. По моему убеждению, да, оно имело место, но совсем в другом смысле, нежели полагают коммунисты и национал-патриоты. Исторически значимое влияние Запада на Россию определялось тем, что к 1980-м годам западная цивилизация одержала очевидную победу над реальным социализмом, продемонстрировав явное преимущество не только в производстве и потреблении товаров, в политической демократии, но и в развитии систем социальной защиты и обеспечения населения, которые всегда считались «коньком» социалистической системы. Анализ источников, отразивших состояние общественного мнения России 1980-х годов, свидетельствует, что ее прозападный выбор носил добровольный характер и имел под собой объективные основания. Конечно, такому выбору способствовала политика гласности, сделавшая советские средства массовой информации открытыми для объективных сведений о мире и показавшая народу то, о чем прежде он мог только догадываться: либерально-демократическая западная цивилизация на протяжении уже многих десятилетий обеспечивала процветание высшему, благополучие среднему и социальную защищенность низшему классам. Простой здравый смысл подталкивал к выбору либерально-демократических ценностей, десятки миллионов наших соотечественников в мгновение ока стали «западниками», выказывая желание жить, как в США или Швеции (другое дело, соответствовало ли это желание реальным возможностям советского общества).

Выбор советским обществом прозападной, или либерально-демократической, модели может быть, на мой взгляд, теоретически прояснен отнюдь не идеей «заговора» или «иностранный влияния», а теорией «догоняющего развития», или модернизации. Теория эта, являющаяся одной из самых влиятельных в мировом обществоведении, сегодня воспринята и отечественными учеными, но возможность ее использования для объяснения российского исторического процесса далеко не исчерпана. Очень часто она механически используется для объяснения всех и всяческих реформ в России, в том числе и тех, например петровских, которые теории модернизации вряд ли соответствуют.

Теория модернизации насчитывает несколько ее типов², но классическим среди них признается ранняя модернизация, которая реализовалась в XVIII—XIX веках в странах западного региона и которая стала так или иначе образцом для других типов и стран «догоняющего развития». В современной западной литературе успех ранней модернизации увязывается с так называемой «двойной революцией» XVIII—первой половины XIX века (автором термина и концепции «двойной революции», кстати, является известный британский исследователь-марксист Э. Хобсбоум). Она означала сплав либерально-демократической идейно-политической революции, образцы которой были продемонстрированы в США и Франции конца XVIII века, и промышленной революции второй половины XVIII—первой половины XIX века, пустившей прочные корни сначала в Великобритании, а затем в других странах западного региона. «Двойная революция» утвердила на Западе совокупность экономических, гражданских и политических свобод и именно их нерасторжимость обеспечила успех модернизации западной цивилизации.

Среди других типов модернизации («запоздалой») выделяются «защитная модернизация» (предпринималась правящими режимами Германии, Японии, России во второй половине XIX—начале XX века и включала умеренные либеральные реформы «сверху»), модернизация стран третьего мира во второй половине XX века, наконец, посткоммунистическая модернизация в странах Восточной Европы в конце XX века. Все типы «запоздалой модернизации» так или иначе включают в себя процесс «вестернизации», в связи с чем возникает вопрос о том, насколько

² См., например, С. Е. Блэк. *The Dynamics of Modernization*. N. Y., 1967.

модернизация совместима с сохранением основ вступающих на ее путь цивилизаций, в частности и российской.

Коммунисты и национал-патриоты, совершенно очевидно, убеждены, что модернизация России может и должна вообще исключить какую-либо вестернизацию. Такие представления распространены и среди деятелей и публицистов социал-демократического толка. Так, например, лидер социалистической партии России Б. Кагарлицкий, критикуя реформы правительства Е. Гайдара, утверждал: «Путь ложен, потому что никакой столбовой дороги европейской, тем более мировой цивилизации не существует, а опыт Запада учит нас только тому, что никогда ни одна преуспевающая страна не пыталась копировать готовые модели»³.

На мой взгляд, идея модернизации без вестернизации представляет собой нонсенс, ибо нельзя совершенно игнорировать ее классическую модель. Но и идущая от Горбачева мысль о том, что новая Россия должна основываться на неких общецивилизационных ценностях, представляется крайностью или утопией иного сорта. Утопизм этой концепции заключался не в том, что наилучшими механизмами общественного устройства объявлялись рынок, многопартийность, гражданское общество, идейно-политический плюрализм, разделение властей и правовое государство (в конце XX века они действительно выступили в качестве таковых), а в том, что эти ценности, вызревшие в лоне западной цивилизации, рассматривались как способные реально, безболезненно и в короткие сроки лечь в основание российского общества. Кроме того, общецивилизационный подход в его крайнем выражении находится в противоречии и с тенденциями мировой истории, давшей жизнь многим цивилизациям, которые обладают разной способностью к восприятию классических механизмов западных обществ.

Какова реальная способность освоения этих механизмов российским обществом, обладающим собственными цивилизационными характеристиками — вот вопрос, который и в теоретическом, и в практическом плане является одним из центральных для посткоммунистической модернизации в России. Ответ на него затруднен тем, что отечественная общественно-политическая мысль не имеет пока ясного ответа на вопрос о том, что есть российская цивилизация. Разворачивающийся сейчас спор поборников почвенничества и западничества нацелен на извлечение этого ответа. Он способен существенно прояснить проблему оптимального варианта российской модернизации. Но и сегодня, на мой взгляд, очевидно, что российская модернизация не может проигнорировать некоторые основополагающие механизмы классической модели, в первую очередь частную собственность, экономическую, политическую и духовную свободу личности, правовое государство.

В историческом плане российская модернизация может быть рассмотрена как результат и исход естественной конкуренции различных общественных систем XX века. Перипетии этой конкуренции, которая предстает как закономерность в глубоко взаимосвязанном мире XX века, когда всемирность истории достигает в сравнении с предшествующими эпохами не только высшей точки, но и нового качества, должны быть осмыслены заново. Прежние наши стереотипы трактовки эту конкуренцию как борьбу систем социализма и капитализма с заранее известным исходом, сегодня выглядят как идеологические химеры. Но вряд ли может удовлетворить и распространившаяся сегодня в отечественной публицистике, да и в обществоведении попытка трактовать результат этой конкуренции по принципу «от противного», как победу буржуазного строя над социалистическим.

Многие наши публицисты и обществоведы либеральной ориентации безапелляционно, как само собой разумеющееся, определяют события августа 1991 года,

³Кагарлицкий Б. Выход из кризиса нам не грозит. «Солидарность», 1991, № 17. 8

сыгравшие решающую роль для институционализации процесса модернизации в России, как буржуазно-демократическую революцию⁴. С точки зрения профессионального историка попытка определять российский август 1991 года с помощью терминов, использовавшихся для обозначения европейских революций XVII—XIX веков, выглядят по меньшей мере странно. Странно и то, что этим термином, являющимся классическим для марксистской мысли и крайне редко используемым немарксистскими обществоведами, оперируют сегодня в России авторы, отрешившиеся от марксизма. На мой взгляд, определение российского августа 1991 года как буржуазно-демократической революции не только неисторично, но и уязвимо по сути.

Действительно, к августу 1991 года в России не было ни экономических факторов (частная собственность и частнокапиталистическое предпринимательство), ни буржуазии, достигших в Европе и Северной Америке накануне буржуазно-демократических революций той «критической массы», которая и делала эти революции неизбежными. В тех революциях именно буржуазия играла роль организатора и гегемона, быстро формировала мощные буржуазные политические группировки и системы, брала в руки политическую власть. В России ничего подобного нет и поныне. Термин «буржуазно-демократическая революция» применительно к российскому августу 1991 года является уязвимым и по той причине, что в западных обществах конца XX века, образ которых, безусловно, вдохновлял российское демократическое движение, понятие «буржуазия» вышло из обихода, а наличие такого класса не признается ни одной из влиятельных социологических школ на Западе. Принять термин «буржуазно-демократическая» применительно к августовской революции 1991 года означало бы признать, что Россия нацеливается на подражание тому общественному устройству, которое создавалось на Западе на рубеже XVIII—XIX веков, а не тому, которое сложилось к концу XX века.

Вообще, стремление ряда влиятельных телекомментаторов, журналистов, да и обществоведов поклоняться понятиям «капитализм», «буржуазная демократия» и т. д. выглядит странным в связи с тем, что западные общества на протяжении вот уже полувека обозначают себя и свои реалии с помощью иных терминов: «индустриальное», «новое индустриальное», «постиндустриальное общество», «общество всеобщего благосостояния» и т. д. При этом многие авторитетные политики и ученые Запада, в том числе и либералы, открыто признают, что в подобной трансформации западных обществ огромную роль сыграл процесс их социализации. Фактически основные течения западной общественной мысли и обществоведения признали ложной альтернативу «капитализм или социализм», которую сформулировали классики марксизма и которую, как это ни парадоксально, признают основополагающей современные российские антимарксисты. Мировое общественное развитие разрушило ее прокрустово ложе.

Принятие терминов «буржуазно-демократическая» или «капиталистическая» относительно августовской революции 1991 года включает в себе, совершенно очевидно, и синдром классового подхода, от которого многие нынешние отечественные антимарксисты (а вчера еще ортодоксальные марксисты) оказались готовыми отказаться только на словах. Попытка жестко зафиксировать классовый смысл этого события, на мой взгляд, вообще бесперспективна по ряду фундаментальных причин.

Одна из них заключается в том, что «бархатная» революция конца августа 1991 года не прояснила вопроса о социально-экономических основах будущего российского общества. По сути, это была политическая и идеологическая революция, которая наряду с ликвидацией КПСС, Советского Союза, тоталитарного

⁴ Доктор юридических наук В. Даниленко, например, категорически, не прибегая ни к каким аргументам, утверждает: «По сути, августовская революция имела буржуазно-демократический характер». См. Даниленко В. Год после августа. «Известия», 17 августа 1992 г.

строю зафиксировала в качестве основополагающих для общества такие идеалы, как гражданское общество, правовое государство, разделение властей, приоритет естественных и неотъемлемых прав человека, политический и идеологический плюрализм. Все эти идеалы давно являются внеклассовыми, по крайней мере на Западе они, безусловно, принимаются большинством общества. К их принятию в период перестройки 1985—1991 годов пришло и большинство российского общества, что и объясняет победу демократии в России в августе 1991 года. Хорошо известно также, что названные идеалы обозначаются во всем мире как либерально-демократические, что, на мой взгляд, и дает основание определять августовскую революцию именно как либерально-демократическую. Кое-кто может, конечно, сказать, что если уж не демократия, то либерализм является ценностью буржуазной. На это можно возразить: как либерализм в XX веке включил в себя многие принципы социализма, став по сути социал-либерализмом, так и социализм (конечно, не в СССР, а опять-таки в странах Запада) включил в себя многие принципы либерализма, став либерал-социализмом. То есть многие принципы либерализма действительно стали внеклассовыми, каковыми их, впрочем, мыслили и их создатели, великие просветители XVIII века.

Перестройка 1985—1991 годов и ее кульминация, августовская революция, которая стала одновременно и началом уже собственно либерально-демократической модернизации, создали условия для радикальной реорганизации социально-экономических основ российского общества. Но вопрос о том, какими будут эти основы, еще долго будет оставаться открытым. Социально-экономическая история России вступила в период альтернативного развития, и вряд ли кто в состоянии предсказать, в каких организационных формах завершится приватизация тотально огосударственной собственности и какими будут ее социальные и экономические последствия. Категорические высказывания радикальных демократов о том, что это будет «капитализм», как и более размытые оценки о создании в России «народного капитализма», «социально ориентированного рынка», «смешанной экономики», не выходят за рамки предположений или идеологизированных ожиданий. И историки вряд ли могут помочь в этих теоретических предсказаниях, ибо аналога постсоциалистической модернизации, начавшейся в России, в прошлом не существует. Позиция же здравого смысла по вопросу о характере будущего общества получила выражение в суждении российского президента Б. Ельцина: «Главное, что я хочу сказать тем, кто повсюду кричит, будто Россия идет к капитализму: ни к какому капитализму мы Россию не ведем. Россия к этому просто не способна. Россия — уникальная страна. Она не будет ни в социализме, ни в капитализме»⁵.

Для понимания современной российской истории одним из важных является вопрос о том, почему переход общества в новое качество оказался возможным в целом эволюционным путем. Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, невозможен без нового исследовательского подхода к десятилетиям советской истории, предшествовавшим радикальной модернизации. В этом вопросе наблюдается размежевание как среди¹ отечественных, так и среди зарубежных аналитиков.

Среди западных советологов традиционно преобладала концепция тоталитарного характера советского общества. Исследователи, опиравшиеся на эту концепцию, рассматривают распад советского и восточно-европейского обществ как закономерное доказательство нежизнеспособности тоталитарного строя⁶. Но такой подход оставляет без ответа поставленный выше вопрос: почему переход этого общества, в том числе советского, в новое состояние осуществлялся в целом эволюционным путем? Часть западных советологов подвергала концепцию о тоталитарном социализме критике уже с 1960-х годов, делая упор на нараставшие в советском обществе на протяжении ряда десятилетий внутренние механизмы и

⁵ «Аргументы и факты», 1992, № 42.

⁶ См., например, Brzezinski Z. The Grand Failure. The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. N. Y., 1989.

предпосылки преодоления тоталитаризма и перехода в фазу либерально-демократической модернизации. Среди новейших исследований этих авторов выделяется монография американского историка и политолога М. Левина «Феномен Горбачева»⁷. В ней проводится мысль, что социальные, политические и идеологические сдвиги в советском обществе 1960—1980-х годов вплотную подвели его к радикальным реформам.

В российской радикально-демократической мысли конца 1980-х — начала 1990-х годов, которая стала определять публицистические оценки советского опыта, утвердился взгляд на него как на сплошной тоталитарный провал. В демократическом лагере обществоведов и публицистов наличие генетических связей между современной радикальной модернизацией и предшествующим историческим развитием готовы признать очень немногие. Их позиция выражена в суждении О. Лациса: «Неправда, будто Октябрь стал неким провалом, за которым последовала семидесятилетняя пустота. Из пустоты не могла родиться победа над Гитлером. Из пустоты не мог родиться порыв 80—90-х годов к освобождению от тоталитаризма»⁸.

Выводы Левина и Лациса внешне могут показаться созвучными концепциям советской историографии доперестроечного периода, в которых господствовали не просто позитивные, а апологетические оценки советского опыта. Но в действительности здесь существует принципиальное отличие. Если лейтмотивом доперестроечной советской историографии была концепция исторических побед реального социализма, то подход Левина и Лациса нацелен на раскрытие процесса, который подготовил радикальную модернизацию советского общества. Изучение этого процесса пока что находится в самом начале и даже монография Левина содержит в себе по большей части постановку исследовательских вопросов, нежели убедительные ответы на них. Их раскрытие позволит в существенной степени объяснить причины эволюционного перехода российского общества к радикальной модернизации.

Объясняя такой переход, невозможно обойтись и без исследования роли в нем исторических личностей, в первую очередь Горбачева. Этот политический деятель персонифицирует процесс перехода от социалистического к постсоциалистическому периоду отечественной истории, осуществлявшемуся с 1985 по 1991 год. В политической деятельности Горбачева заключен, помимо всего прочего, благоприятный материал для осмысления классической, но порядком подзабытой проблемы «личность и история». Каковы возможности и пределы воздействия личности на историю, когда и почему эта личность берет верх, а в каких случаях и почему терпит поражение в противоборстве с историей? И кто, в конце концов, является властелином наших судеб — великие личности или набившие оскомину «объективные закономерности»?

Если следовать логике упомянутой монографии М. Левина, то можно прийти к заключению, что модернизация в СССР началась бы независимо от того, кто оказался у руля власти в середине 80-х годов. На мой же взгляд, анализ материалов современной отечественной истории убеждает, что личность Горбачева оказала определяющее влияние на характер ее развития. Будучи избранным в 1985 году Генеральным секретарем ЦК КПСС, Горбачев — по его собственному признанию, сделанному уже позднее — сосредоточил в своих руках власть, равную монаршей, и сознательно сделал выбор в пользу всестороннего реформирования советского общества. Имея сегодня основания всесторонне оценивать этот выбор Горбачева и его последующую политику и сравнивая их с возможными действиями других реальных претендентов на пост Генерального секретаря, можно утверждать, что никто из них не был способен на столь радикальные реформы. Реформаторская стратегия Горбачева, нацеленная на коренное переустройст-

⁷ Lewin M. The Gorbachev Phenomenon. A Historical Interpretation. Berkeley, Los Angeles, 1988.

⁸ Лацис О. Когда умер Сталин. «Известия», 3 марта 1993.

во системы «реального социализма», придание ему рыночного и демократического характера, в конечном итоге потерпела поражение. Но нельзя не признать, что ему удалось в течение шести лет выдерживать линию на эволюционное развитие модернизации, перетряхнуть идеологические и социально-психологические основы советского общества, максимально ослабить систему партийно-административного социализма⁹. Всякому объективному наблюдателю, знакомому с этой системой, ясно, что обезоружить ее без революционного насилия можно было, ведя очень тонкую и искусную политическую игру. В этой игре Горбачев проявил себя мастером, но в конечном итоге жертвами противоборства оказались и система партийно-административного социализма, и сам Горбачев. Пока противники душили друг друга в объятиях, на авансцену истории вышла третья сила — национал-радикалы и демократы — и возвысилась над обессилившими борцами. В новой ситуации Горбачев пытался менять свою стратегию, но сил, чтобы догнать, а тем более обуздать исторический процесс, ему уже не хватало. В политической деятельности Горбачева различимы два неоднозначных этапа, разграничительным рубежом которых является конец 1988 — начало 1989 года, т. е. как раз середина эпохи перестройки. На первом этапе Горбачев выступал в качестве инициатора перемен, а следовательно, творца истории, на втором — он уже подлаживался под перемены, став пленником вышедших из-под его контроля, да и не предвиденных им исторических процессов. И хотя на втором этапе в своей идеологии Горбачев стал гораздо более радикален, он уже не возглавлял исторический процесс, а лишь подлаживался под него. Как показывает история, шансов на выживание у политических деятелей, не обладающих реальной, мобилизующей общество и способной быть реализованной стратегией, в переломные периоды нет.

Горбачев не препятствовал радикальной ломке партийно-административной системы любыми средствами, более того, своей политикой компромиссов немало способствовал эволюционному переходу от социалистической перестройки к либерально-демократической модернизации. Но все же к концу его пребывания на президентском посту принятое им к реформированию общество лежало в руинах. И именно этот итог — перестройка как катастрофа (последнее определение принадлежит А. Зиновьеву) — запечатлелся в сознании и приговоре большинства его соотечественников. В какой степени он справедлив, если справедлив вообще?

Ответить на этот вопрос помогает принцип историзма: он предполагает оценку роли Горбачева, опираясь на исторические закономерности крупных революционных эпох. Одна из таких закономерностей свидетельствует, что крупные, в том числе и самые прогрессивные, революционные переходы в истории человечества неизбежно сопровождались затяжным падением производства, инфляцией, ростом социальных контрастов. Позитивные плоды революционных переходов пожинались много позднее их завершения. Переходные этапы не приносят непосредственных экономических улучшений обществу, их задачей является создание моделей, способствующих таким улучшениям. Предпринятые в эпоху горбачевской перестройки усилия по созданию политического плюрализма, гражданского общества, рынка скажутся далеко не сразу. Но уже первые позитивные результаты модернизации могут привести к существенному переосмыслению исторической роли Горбачева.

Среди критических замечаний, чаще всего высказываемых в адрес Горбачева и его команды, основное — отсутствие у них убедительной концепции экономической модернизации. Но и этот недостаток в деятельности Горбачева может быть объективно оценен, если мы будем оставаться на почве историзма. В силу хорошо известных причин, в первую очередь существовавших на протяжении 70 лет запретов на свободное развитие научной, да и вообще любой мысли, никто в

⁹Этот термин я использую вместо широкоизвестного термина «командно-административная система»

нашем обществе не был готов к созданию в короткие сроки такой концепции. Даже с наступлением политической свободы агитация в пользу рынка его сторонников, в том числе и лучших экономических умов, носила умозрительный характер. Плачевное состояние отечественной экономической, политической, социологической мысли обрекло всех архитекторов отечественной модернизации на грубые ошибки. Горбачев совершил их больше, чем Ельцин, А. Собчак, Г. Попов только потому, что приступил к модернизации первым.

Слабая интеллектуальная подготовленность России к решению проблем либерально-демократической модернизации в полной мере проявилась на современном этапе, после того как КПСС была не только отстранена от власти, но и запрещена, а руль управления в России взяли в руки демократы. До своего прихода к власти, да и после этого, демократы, как известно, неизменно обвиняли коммунистов в некомпетентности, оборачивавшейся политическим авантюризмом и трагическими социально-экономическими результатами для России. Известный демократ Ю. Болдырев развенчивал российское «самозванство», которое в его интерпретации означает стремление взять власть, не имея для этого никаких интеллектуальных данных, главным его примером объявлял опыт большевиков: «Я не буду проходиться по всем примерам, но главных самозванцев в двадцатом веке нельзя не назвать. Прежде всего это Владимир Ленин. Что произошло? Ником образом не государственный деятель берет власть в огромном государстве, не имея, по сути дела, даже программы, которую он собирается воплощать. За душой у него лишь некоторые социальные лозунги»¹⁰.

Обвинение В. Ленина и большевиков в некомпетентности вернулось бумерангом к самим демократам после того, как, взяв власть, они обнаружили отсутствие научных разработок радикального реформирования России. Осенью 1991 года российский президент Б. Ельцин создал команду во главе с Е. Гайдара для проведения в жизнь программы радикальных экономических реформ. Сам выбор этой команды был смелым и неординарным шагом: она включала талантливых молодых ученых-экономистов, не обремененных грузом прежних политико-экономических стереотипов и готовых к проведению быстрой модернизации. Но очень скоро выяснилось, что даже эти выходцы из академической среды, причем самой ее молодой, наиболее прогрессивной и образованной части, не обладали способностью осуществления модернизации, соответствующей российским условиям, и механически последовали концепции американского экономиста Джеффри Сакса: прежде всего отпустить цены, затем провести всяческую экономическую либерализацию и в третью очередь осуществить приватизацию¹¹.

Уже первый прогноз и реформа Гайдара имели драматические социальные последствия. Отпуская с января 1992 года цены, правительство прогнозировало их рост примерно в три раза и с учетом этого установило индекс повышения заработной платы в бюджетных сферах и пенсий в 70 процентов. Но цены сразу же увеличились более чем в 20 раз, так что запланированное увеличение зарплаты и пенсий, оказавшееся мизерным в сравнении с реальным ростом цен, привело сразу к обнищанию 90% населения и дискредитировало реформу правительства.

Финансово-кредитная и налоговая политика реформаторского правительства в отношении предприятий привела к тому, что даже самые рентабельные среди них оказались на грани краха. Отсутствие у правительства программы промышленной и инвестиционной политики привело к тому, что вместо структурной перестройки экономики произошло обвальное падение производства во всех отраслях, в том числе и даже в первую очередь в производящих товары народного потребления и сельхозпродукции. А это находилось в вопиющем противоречии со стратегическими замыслами модернизации. Правительство оказалось совершен-

¹⁰Самозванцы на Руси. «Литературная газета», 28 апреля 1993.

¹¹Критику концепции Д. Сакса, данную его коллегой, американским экономистом-рыночником, которого трудно заподозрить в предвзятости, см. Б и р м а н И. В. В капитализм одним прыжком. «Демократическая Россия», 26 апреля 1991.

но не в состоянии проводить антимонопольную политику, бороться с бюджетным дефицитом, что также значилось среди его приоритетов. В результате его реформ на грани банкротства оказались бюджетные сферы, в том числе наука, образование, медицина, культура, крах которых обрекает Россию на положение страны третьего мира. В политике Центрального банка России отмечались поразительные шарахания и даже повороты на 180°. Отсутствие в политике властей системности, отказ от учета социокультурных, социально-психологических, политических факторов оставили правительство без какой-либо массовой социальной опоры и поставили под угрозу курс на модернизацию России.

Некомпетентность стала бичом реформаторского правительства Ельцина не в меньшей мере, чем прежде была для правительства Горбачева. Нет сомнения, что и Горбачев, и Ельцин, как и другие сторонники реформ, руководствовались в своих начинаниях самыми благими намерениями. Но разве мировая, в том числе и российская, история не свидетельствовала многократно, что при отсутствии у реформаторов надлежащей компетентности и социальной поддержки в действие вступает знаменитая трагическая формула: «Благими намерениями вымощена дорога в ад»?

Драматические и даже трагические повороты современной российской истории, в первую очередь разрушение государственности, без которой невозможно сколько-нибудь эффективное осуществление модернизации, оказалось, как можно заключить из новейших признаний многих радикальных демократов, полной для них неожиданностью. Вот высказывание известного сегодня политика О. Румянцева: «Я очень глубоко переживаю то обстоятельство, что на определенных этапах участвовал во всех этих радикальных схватках, вколачивая гвоздь в крышку гроба не только предыдущей системы, но, как оказалось, и в крышку стабильности государственных структур. Слишком мало среди демократов оказалось эволюционеров и слишком много ультра-революционеров»¹². В том же духе высказывался и С. Станкевич, признанный оратор радикальных митингов 1989—1991 годов: «Конечно, никто из тех политиков, которые претендовали на посты в выборных органах, не предполагал, что спустя 3—4 года исчезнет Союз Советских Социалистических Республик как геополитическое понятие, что уйдет Горбачев, что Россия и Украина будут в очень острых выражениях спорить о судьбе Черноморского флота. Вряд ли кто-то мог представить столь серьезное падение уровня жизни и уровня производства»¹³.

Высказывания Румянцева и Станкевича интересны, кроме всего прочего, потому, что оба этих политика являются выходцами из научной среды, ее гуманитарной части, лучше кого-либо осведомленных о тенденциях и закономерностях исторических процессов, революционных и эволюционных переходных периодов. Но даже они, как выясняется, активно вовлекаясь в процесс политической борьбы, были в абсолютном неведении относительно ее возможных последствий. Между тем опыт мировой истории, безусловно, содержит богатый материал, который позволял прогнозировать возможные эксцессы процесса отечественной модернизации. Вот только некоторые из ее уроков.

Мировой опыт свидетельствует, что имперские по своей форме государственные образования, каковым был и СССР, могут удерживаться только сильной недемократической властью, а процесс политической демократизации для них разрушителен.

Мировая история доказывает, что периоды перехода от одного общественного устройства к другому, как правило, сопровождаются экономическими катаклизмами. Предотвращение в таких ситуациях социальных взрывов требует от властей, приверженных реформам, высочайшего политического искусства. Исторический опыт доказывает, что политическая демократия редко выживает в условиях экономического обнищания, когда социальные классы, в первую очередь

¹² «Вечерний клуб», 6 марта 1993

¹³ Станкевич С. Идея России. «Литературная газета», 11 марта 1992.

бедствующее большинство, используют политические свободы в интересах социальной справедливости, т. е. уравниательства, что создает почву для возвышения политических демагогов-популистов, превращающихся после прихода к власти в диктаторов.

Мировой опыт свидетельствует, что в переходные периоды общественным процессом управляет, как правило, не право, а политическая целесообразность. Этот исторический урок я привожу в связи с тем, что российское демократическое движение с момента возникновения подвергло Ленина и большевиков жесткой критике за ниспровержение демократии и права и упование на революционную целесообразность. Но уже вскоре после прихода к власти демократов, в конце 1991 года, один из сопредседателей движения «Демократическая Россия», в прошлом известный правозащитник Л. Пономарев, предложил правительству руководствоваться принципом, мало отличающимся от большевистского: «В революционном темпе раздать землю, провести приватизацию в промышленности, торговле... Действовать так, как действовал Ельцин в дни переворота. Да, ряд его указов, принятых в той критической обстановке, носит антиконституционный характер. Но я назвал бы их гениальными. Они абсолютно отвечали политической потребности. То есть надо нам быть прагматиками»¹⁴.

Незнание или сознательное замалчивание демократами приведенных выше уроков и закономерностей истории помогает понять причины их многочисленных просчетов и ошибок после прихода к власти. Пришедшие к власти демократы оказались не в состоянии выполнить многие обещания, которые позволили им одержать победу над КПСС, в первую очередь такие, как осуществление реформ без снижения жизненного уровня народа, ликвидация всех и всяческих привилегий, сочетание процесса введения рынка и частной собственности с социальной справедливостью, соблюдение принципов правового государства. В целом можно сказать, что потерпел поражение весь стратегический замысел демократического движения периода его борьбы за власть. Он заключался в обещании быстрого общественного переустройства и создания без особых промедлений жизненных условий, «достойных человеческого существования», конечно же, гораздо лучших, чем при реальном социализме. Даже в своих осенних выступлениях 1991 года российский президент Б. Ельцин оставался верным этому замыслу, утверждая в своем программно-реформаторском выступлении, что «хуже будет всем примерно полгода, затем — снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей»¹⁵. Но осенью 1992 года стало абсолютно очевидно, что стратегический замысел демократов рухнул (его утопизм для людей, мысливших реалистически, был, конечно, очевиден и до победы демократического движения). Большинство народа убедилось, что в течение многих лет ему придется жить, по крайней мере в материальном плане, в гораздо худших условиях, нежели при коммунистах. Демократы же были готовы предложить народу теперь то, что некогда предлагали и коммунисты: без усталости трудиться и страдать ради счастливой жизни следующих поколений.

Разрыв между «словом и делом» у демократической власти оказался не меньшим, чем у отстраненной от руля управления КПСС. Это породило острый кризис доверия к реформаторам со стороны широких народных масс. Под угрозой оказалась судьба не только новой власти, но и столь необходимого России, поистине выстраданного курса на модернизацию.

В начале 1993 года российский президент Ельцин, подводя итог первому периоду радикальных социально-экономических реформ в России, говорил: «Не могу согласиться и с тем, что экономические реформы в России пошли по худшему варианту. Они пошли по единственно возможному варианту. В тех условиях не было возможности выбора ни моделей реформ, ни команды, готовой взяться за это

¹⁴Мы поддерживаем Ельцина условно. «Известия», 7 октября 1991.

¹⁵«Известия», 28 ноября 1991.

дело»¹⁶. Если данное суждение соответствует истине, то это горькая и даже трагическая истина. Действительно, гайдаровский вариант радикальных экономических реформ приносит на жертвенный алтарь модернизации судьбы большинства россиян, в первую очередь старших поколений, у которых нет шансов воспользоваться ее плодами. Развиваясь по социал-дарвинистской формуле «борьбы за существование», выживания и триумфа «наиболее приспособленных» и прозябания «менее приспособленных» человеческих особей, он не имеет ничего общего с гуманистическими принципами, которые выдвигались демократическим движением в период его борьбы с КПСС за политическую власть. Социальная цена этого варианта модернизации, по сути, мало отличается от той цены, которую российскому народу пришлось заплатить за эксперименты большевиков. При этом необходимо заметить, что если большевиков вопрос о социальной цене их экспериментов совершенно не заботил, то для современных российских демократов до их прихода к власти он имел принципиальное значение, и в своей идеологии они создавали впечатление, что социальные издержки их реформ будут минимальными.

Принципиален в связи с этим вопрос: а возможен ли был иной вариант модернизации в России? Если стоять на почве историзма, то отвечать на него нужно, опираясь на анализ реальных политических сил, выступающих с альтернативными вариантами модернизации. Ответ в таком случае, на мой взгляд, будет выглядеть крайне пессимистическим. Силы, являвшиеся реальной оппозицией реформаторской президентской партии, группировались после августа 1991 года в Верховном Совете России, в объединениях типа Фронта национального спасения, Русского Собора, Российской коммунистической партии. Платформы их замешаны на откровенной демагогии, эксплуатации популистских и великодержавных идей, развенчанных историей. Простой здравый смысл, жизненный опыт, историческая память подсказывали массам россиян, что из двух реальных политических зол — некомпетентное президентское реформаторство или национал-большевистское антиреформаторство оппозиции во главе с Р. Хасбулатовым, Г. Зюгановым и И. Константиновым — меньшим является первое. Этот выбор воплотился в результатах российского референдума в апреле 1993 года, поддержавшего президентскую модернизацию. Кровавые события начала октября 1993 года заключали в себе исторический приговор оппозиции, в которой сомкнулись националисты, коммунисты и консервативные органы советской власти. После краха коммунистического режима советы проявили себя как главное препятствие на пути либерально-демократической модернизации.

Переходный период современной российской истории разделяется как бы на два этапа. Первый этап, в ходе которого был демонтирован тоталитарный строй, протекал в целом в эволюционных формах, выгодно отличаясь от прежних подобных этапов российской истории. Второй, созидательный этап, протекает в гораздо более болезненных формах, а октябрь 1993 года впервые поставил под вопрос его мирное развитие и одновременно обнаружил острый кризис доверия к реформаторскому курсу президента. Хватит ли российскому обществу интеллекта и самообладания, чтобы впервые в своей истории пройти тяжелейший переходный период без гражданских войн и экономического коллапса? Ответ во многом зависит от того, окажутся ли реформаторские силы уже в ближайшее время способными обновиться сами и обновить свою политику так, чтобы проводить модернизацию на экономически грамотной основе и опираясь на реально массовую поддержку.

¹⁶О финансово-экономической политике России в 1993 году. «Известия», 27 января 1993.